

П. В. Лукин

КЕМ БЫЛ «ПЕРВЫЙ ВСЕВОЛОД»? К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСИ В ЦЕРКВИ СПАСА НА НЕРЕДИЦЕ

В похвальной надписи, являющейся частью ктиторской композиции в церкви Спаса на Нередице под Новгородом, читается такое обращение к новгородскому князю Ярославу Владимировичу – правившему в Новгороде в конце XII в. «свояку» могущественного владимирского князя Всеволода Большое Гнездо: «...о, б[ог]олюбивы княже, вторыи Всеволодь...» (роспись храма датируется 1199 г.)¹. В историографии обсуждался вопрос о том, кто изображен на фреске, хотя ответ на него вполне очевиден, что было показано в исследованиях, прежде всего, Н. В. Пивоваровой и А. С. Преображенского. Это мог быть только ктитор, то есть сам Ярослав Владимирович². А вот кто имеется в виду под «первым Всеволодом», не столь ясно. Обычно принимается как данность, что под ним понимается могущественный владимирский князь Всеволод Большое Гнездо, чьим «свояком» и ставленником был Ярослав Владимирович. Эта интерпретация представлена и в фундаментальном труде Н. В. Пивоваровой о росписях Спаса Нередицы³. Однако она была вполне обоснованно отвергнута А. А. Гиппиусом на основании того совершенно очевидного обстоятельства, что к моменту создания композиции Всеволод Юрьевич был еще жив – не говоря об отсутствии параллелей, подобное заявление со стороны «свояка» не могло рассматриваться иначе как покушение на статус могущественного старшего свойственника.

¹ Преображенский А. С. Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века. М., 2010. С. 168.

² См.: Пивоварова Н. В. Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб., 2002. С. 18–24; Преображенский А. С. Ктиторские портреты... С. 166–167.

³ См., например: Пивоварова Н. В. Фрески... С. 23. – См. о родственных связях Ярослава Владимировича: Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. слово к русск. изд. К. Ю. Ерусалимского и О. А. Остапчук. СПб., 2015. С. 611–622.

© П. В. Лукин, 2022

Сам А. А. Гиппиус обосновывает точку зрения, высказанную И. И. Срезневским, о том, что «первым Всеволодом» мог считаться Всеволод-Гавриил Мстиславич, сын Мстислава Великого и внук Владимира Мономаха, княживший в Новгороде вплоть до своего изгнания во время «революции» 1136 г. Аргументы в пользу этой гипотезы следующие. Для Ярослава Владимировича, по мысли ученого, был важен его статус как одновременно «сваяка» Всеволода Большое Гнездо и внука Мстислава Великого (что подчеркивается в новгородском летописании). Поэтому он ориентировался на образ сына Мстислава Великого – Всеволода Мстиславича. Это подтверждается, по мнению А. А. Гиппиуса, зафиксированным в «Слове на перенесение мощей Всеволода-Гавриила» (оно же – «Слово об обретении») фактом присутствия при обретении мощей Всеволода Мстиславича в 1192 г. Ярослава Владимировича⁴. Последнее обстоятельство, собственно, должно служить единственным прямым подтверждением почитания Всеволода-Гавриила со стороны Ярослава. Разберем его подробнее.

А. А. Гиппиус ссылается на вариант «Слова» в составе Степенной книги (далее – Степ.). Но, согласно исследованию В. И. Охотниковой, наиболее ранними вариантами агиографического повествования, посвященного Всеволоду-Гавриилу, являются Проложная редакция и редакция псковского книжника Василия-Варлама, причем сама исследовательница, правда, с некоторой осторожностью склоняется к тому, что в Проложной редакции представлен более ранний текст⁵. Но в нем о перенесении мощей сказано лишь следующее: «Посем же весь священный собор и вси христоролюбивии людие града Пскова взяша честно святыя мощи по псалмопением и фимияном, и понесоша на рамах своих, и положиша в соборней церкви святыя Троицы на правой стороне близ амбона»⁶. Ярослав там даже не упоминается, лишь в одном из вариантов (причем, по мнению В. И. Охотниковой, отражающем первоначальный текст) фигурирует некий князь «града Пскова», но такого князя в 1192 г. не существовало⁷.

Ярослав Владимирович появляется в другом произведении, посвященном Всеволоду-Гавриилу – в «Слове об обретении» в составе агиографического цикла, созданного псковским книжником Василием-Варламом в середине XVI в.⁸ В нем, между прочим, ничего не говорится о том, что Ярослав Владимирович в 1192 г. находился во Пскове, речь идет о том, что событие произошло, когда он был псковским князем, а это не одно и то же: «Пренесен бысть святыи благоверный великий князь Всеволод, нареченный въ святемь крещении Гаврил, из церкви святого Димитрия Селунскаго в церковь Святей Троицы месяца ноемвриа в 27 день, на память святого великомученика Иакова Персянина и преподобнаго отца нашего Поладия, при князе псковском Ярославе Владимировичи,

⁴ Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О. Е. Этингф. М., 2005. С. 17–19.

⁵ Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты: в 2 т. СПб., 2007. Т. 1. Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. С. 27–34.

⁶ Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 1. С. 59.

⁷ Там же. С. 59. – См. также: Михеев С. М. Датированная запись о закладке псковского Троицкого собора Всеволодом Мстиславичем в новгородской рукописи XII века // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 13–14.

⁸ Охотникова В. И. Цикл произведений, посвященных князю Всеволоду-Гавриилу // Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). СПб., 2006. Т. LVII. С. 586–587.

и при архиепископе Великаго Новагорода и Пскова владыце Гавриле, при посаднике псковском Иоанне Матфиевичи»⁹. В другом произведении цикла – житии Всеволода-Гавриила говорится, что в этих мероприятиях участвовали, в частности, князь и посадники (во множественном числе). Ни имени князя, ни даты перенесения мощей в этом тексте нет¹⁰.

Что можно сказать об исторической достоверности приведенных здесь конкретных фактов?

В 1192 г., как справедливо отмечает А. А. Гиппиус, Ярослав Владимирович действительно был в Пскове, но приехал он туда «на Петров день», то есть 12 июля. Пробыл ли он во Пскове до конца ноября, неизвестно. 24 мая 1193 г. умер архиепископ Гавриил, и в тот момент Ярослав был в Новгороде¹¹. Архиепископ Гавриил-Григорий совершенно точно тогда вместе с князем во Псков не ездил, поскольку он «на Петровь день» освятил в Новгороде церковь свв. апп. Петра и Павла на Синичьей горе (на Сильнице)¹². Упомянутый в «Слове» посадник Иван Матфеевич другим источникам неизвестен. Псковские посадники появляются в источниках более или менее последовательно только с начала XIV в.¹³ До этого в Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) фигурирует лишь один псковский посадник – Мирослав, которого на эту должность избрали в 1132 г. новгородцы вместе с делегациями из Пскова и Ладоги во время бурных событий, связанных как раз с противостоянием новгородцев и Всеволода Мстиславича¹⁴. Уже то, что избрание совершилось в Новгороде и его осуществили противники Всеволода, кои преобладали, как становится ясно из последующих событий, в Новгороде, но отнюдь не во Пскове, говорит о том, что это был посадник, назначенный новгородцами с согласия проновгородской псковской партии¹⁵. После этого никаких данных о псковских посадниках до начала XIV в. нет. Отметим также, что о наличии двух или более посадников во Пскове можно говорить в лучшем случае только с 40-х гг. XIV в.¹⁶ Между тем, уже в Проложной редакции жития Всеволода-Гавриила говорится о псковских посадниках во множественном числе¹⁷.

Кто же такой «псковский посадник Иван Матфеевич»? Обращает на себя внимание тот факт, что в псковских летописях упоминаются *два* посадника – Иван и Матфей. Оба действуют в XIV в. Посадник Иван в 1349 г. возглавляет псковский отряд, совершающий набег на «немцев»¹⁸. Под 1380 г. (П1) или 1375 г. (П2 и П3) говорится о строи-

⁹ *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 1. С. 82; ср. другую редакцию: Там же. С. 116.

¹⁰ Там же. С. 80–81.

¹¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 2000. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 40.

¹² ПСРЛ. Т. III. С. 40.

¹³ *Кафенгауз Б.Б.* Древний Псков: Очерки по истории феодальной республики. М., 1969. С. 38.

¹⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 22–23.

¹⁵ Ср.: *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019. (Серия Res Publica. Вып. 11). С. 165–166.

¹⁶ Там же. С. 168.

¹⁷ Подробнее см.: *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. I. С. 59.

¹⁸ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003. Псковские летописи. С. 20; Т. V. Вып. 2. М., 2000. Псковские летописи. С. 26, 99.

тельстве во Пскове каменной стены «[п]ри велицѣм князѣ Дмитреи и при псковском князи Матфѣи, и при посадницѣ Григорѣи Остафѣевиче...»¹⁹. Необходимо согласиться с теми исследователями, которые считают, что на каком-то этапе редактирования протографа псковских летописей произошла путаница, и князя с посадником надо поменять местами. Хорошо известно, что Григорий Остафѣевич был князем и совмещать два поста он не мог, а князь Матфей источникам неизвестен. Логично предположить поэтому, что посадником был именно Матфей²⁰. Таким образом, в середине – второй половине XIV в. фигурируют два посадника Иван и Матфей, и вряд ли будет невероятным предположение о том, что агиограф сконструировал из них одного – Ивана Матфеевича.

Когда это могло произойти? В. И. Охотникова полагает, что древнейшая редакция жития Всеволода-Гавриила могла быть создана в 60–70-е гг. XIV в.²¹ Действительно, многое указывает на вторую половину XIV в. как на время, когда она могла появиться. Помимо «Ивана Матфеевича», можно упомянуть и другие исторические детали. Наименование «Великий Новгород» фиксируется в немецких источниках не ранее 30-х гг. XIV в., а в новгородских – 60–70-х гг. XIV в.²² К этому же столетию ведет и упоминание преставившегося в 1326 г. митрополита Петра, которого «хвалит» Московская земля (в житии Всеволода, составленном Василием-Варламом, использовано житие митрополита Петра, причем в двух редакциях, в том числе в редакции митрополита Киприана, датирующейся, как предполагается, 1381 г.)²³.

Здесь необходимо коснуться вопроса об источниках редакции Василия-Варлама. В. И. Охотникова полагает, что в ней использованы псковская летопись типа П1, но с несколько отличавшимся от сохранившихся списков текстом, и первоначальный вариант Проложной редакции, сложившийся во второй половине XIV в.²⁴ Однако ни в псковских летописях, ни в Проложной редакции в ее нынешнем виде нет сведений о пребывании во Пскове Ярослава Владимировича или об архиепископе Гаврииле. Нет там и ряда других конкретных деталей, которые содержатся в агиографическом цикле Василия-Варлама (например, о том, что битва между новгородцами произошла при Ждане горе или о том, что отрешенный новгородцами от власти Всеволод

¹⁹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 23. – См.: Вып. 2. С. 28–29, 105.

²⁰ См. об этом: *Вовин А. А.* Городская коммуна... С. 162–163.

²¹ *Охотникова В. И.* Цикл произведений... С. 601–602.

²² *Лукин П. В.* «Великий Новгород» // *Slověne*. 2018. Vol. 7. № 2. С. 387–390.

²³ *Охотникова В. И.* 1) Псковская агиография... Т. 1. С. 84; 2) Цикл произведений... С. 616; *Прохоров Г. М.* Житие митрополита Петра // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1987. С. 164–165; *Седова Р. А.* Рукописная традиция «Жития Петра» в редакции митрополита Киприана // *ТОДРЛ*. Л., 1983. Т. XXXVII. С. 256–268.

²⁴ *Охотникова В. И.* Цикл произведений... С. 610. – Возможным свидетельством использования Василием-Варламом неизвестного источника исследовательница считает дату смерти князя Мстислава Владимировича в житии Всеволода-Гавриила – 6638 г. от «сотворения мира», которой нет в других источниках. Но гораздо проще считать ее появлением следствием ошибки в позднем тексте, связанной с тем, например, что в нем разные события оказались помещены под одним годом. Так, о завершении строительства церкви св. Иоанна на Опоках в Новгороде тоже говорится под этим годом – что верно, но позже сообщения о смерти Мстислава, что неверно (Там же. С. 603; *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 1. С. 75–76; ПСРЛ. Т. III. С. 22); дата и месяц указаны верно – 14 апреля (В. И. Охотникова ошибочно приводит дату смерти Мстислава в НПЛ – 6639 г. вместо 6640 г.).

был отправлен под стражу на владычный двор)²⁵. Зато эти сведения присутствуют в новгородском летописании, откуда они, очевидно, и были заимствованы²⁶. Поэтому нет оснований считать, что во второй половине XIV в. во Пскове помнили об обстоятельствах почти двухсотлетней давности, или думать об использовании какого-то особого источника²⁷.

Можно предположить, каким образом появилась в житии «историческая» фраза. Сравним две цитаты (вторую приводим с оговоренными выше поправками):

«Слово об обретении» в редакции Василия-Варлама	Псковская I летопись, под 1380 г.
Пренесен бысть святыи благоверный великий князь Всеволод... при князе псковском Ярославе Владимировичи и при архиепископе Великаго Новагорода и Пьскова владыце Гавриле, при посаднике псковьском Иоанне Матфиевичи ²⁸ .	При велицѣм князѣ Дмитреи и при псковском князи Григорьи Остафьевиче, и при посадницѣ Матфѣи , псковичи заложиша 4-ю стѣну камену... ²⁹ .

Кажется очень вероятным, что «историческое свидетельство» «Слова» смоделировано по летописному образцу. Из псковской летописи (возможно, действительно в такой редакции, в которой князь и посадник находились на своих местах) была взята «рамка», причем Всеволод, вопреки исторической реальности, получил титул великого князя. Из новгородской владычной летописи были заимствованы сведения о необходимом для перенесения мощей архиепископе Гаврииле и именах «псковского князя» – Ярослава Владимировича, и, частично, посадника Матфея. С именем последнего, как мы видели, произошла сложная история: в источниках, близких по времени составления к эпохе Василия-Варлама, псковские посадники конца XV – начала XVI в., упоминаются с отчеством, а это означало, что персонажу «Слова» требовалось не только имя, но и отчество³⁰. Вероятно, оно было сконструировано из имени второго посадника. Была ли «историческая» фраза уже в «прото-житии» Всеволода-Гавриила XIV в. (если оно существовало) или добавлена на каком-либо более позднем этапе эволюции текста вплоть до середины XVI в., сказать сложно.

В. И. Охотникова в обобщающей работе об агиографическом цикле, посвященном Всеволоду-Гавриилу, пишет, что в 1368 г. состоялось перенесение мощей Всеволода в Благовещенский придел вновь отстроенного после разрушения Троицкого собора. По мнению исследовательницы, подробное описание события, «восходящее к древним источникам, свидетельствует об актуализации культа святого в 60–70-е гг. XIV в.»³¹.

²⁵ Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 1. С. 76.

²⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 23, 24.

²⁷ Ср.: Охотникова В. И. Цикл произведений... С. 603–604.

²⁸ Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 1. С. 82.

²⁹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 23 (с поправками).

³⁰ Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. С. 41–42.

³¹ Охотникова В. И. Цикл произведений... С. 585. – Ср. также некоторые уточнения: Дмитриев Б. С. Княжеский некрополь Псковского Троицкого собора (по данным письменных источников) // Средневековая Русь. Вып. 9. М., 2011. С. 157–159.

Учитывая сказанное выше, а также результаты изысканий С. М. Михеева, приводящего дополнительные очень убедительные аргументы в пользу позднего происхождения фактических подробностей в «Слове об обретении мощей», можно усомниться как в существовании «древних источников», так и в верности предположения об «актуализации» культа Всеволода в XIV в.

Впрочем, по нашему мнению, исследовательница совершенно верно указала время, когда сложился, во всяком случае, в развитой форме культ Всеволода. Именно тогда в псковском летописании появляется мотив «Всеволожей [заступнической] молитвы»³². Отрицать традиции местного почитания первого, по сути, самостоятельного псковского князя в более раннее время, конечно, нельзя, но и твердыми данными об этом ученые не располагают. Важную роль в становлении культа играли антиновгородские тенденции, вполне заметные в агиографическом цикле, посвященном Всеволоду³³.

Следующий этап – редакция в составе Степ. – масштабного памятника московской книжности, датирующегося по современным данным 50–60-ми гг. XVI в.³⁴ Она представляет собой переработку рассказа о перенесении мощей в редакции Василия-Варлама с перестановками в тексте, изменениями в последовательности эпизодов и т. п. В Волковском списке Степ., отражающем наиболее ранний этап составления памятника, как установили исследователи, имеются свидетельства неоднократного редактирования исходного текста. В. И. Охотникова полагает, что дополнительные источники при этом не привлекались³⁵. Однако рассказ о перенесении мощей в Степ. отличается от редакции Василия-Варлама не только стилистически: «Тогда во Псковѣ княжашю Ярославу Владимиричу, в Новѣ же градѣ тогда сущю архиепископу Гавриилу, въ Псковѣ же бяше тогда посадник Анания Матфеевичь»³⁶. Если не считать редактирования, в результате которого архиепископ Гавриил во время перенесения мощей оказался в Новгороде, имеется одно фактическое отличие: посадника зовут не Иван Матфеевич, а Анания Матфеевич. Это ставит вопрос о причинах такого изменения и/или об источнике, на основе которого оно было осуществлено.

С. М. Михеев убедительно показал, что Анания из редакции Степ. имеет очевидный прототип в лице одноименного псковского посадника, который в конце 1367 или

³² ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 19. – См.: *Охотникова В. И.* Цикл произведений... С. 584.

³³ Подробнее см.: *Михеев С. М.* Датированная запись... – В цикле Василия-Варлама новгородцы – явно отрицательные персонажи. Об этом ярче всего свидетельствует рассказ о неудачной попытке перенесения мощей Всеволода-Гавриила делегацией из Новгорода: «абие не подвижесе рака с места своего, благоволил бо еси (sic! – имеется в виду святой. – П. Л.) пребывати, идеже и преставися» (то есть во Пскове). Оказывается, что новгородское посольство, которое якобы пыталось перенести мощи Всеволода в Новгород, не смогло этого сделать, поскольку рака с его телом не сдвигалась. Только после слезного покаяния за содеянное в отношении покойного князя «зло» новгородцы чудом получили «ноготь (!) от честных руки» Всеволода. Все остальное, естественно, осталось во Пскове (*Охотникова В. И.* Псковская агиография... Т. 1. С. 79). Об антиновгородской направленности культа Всеволода-Гавриила см. также: *Охотникова В. И.* Цикл произведений... С. 585.

³⁴ *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 195–197.

³⁵ *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 1. С. 129–135.

³⁶ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2007. Т. I. С. 426.

в начале 1368 г. в составе псковского посольства бил челом новгородскому архиепископу Алексею, прося благословить освящение Троицкого собора³⁷. Можно даже уточнить конкретный памятник, из которого в Степ. попал Анания, – это Новгородская IV летопись, которая, вероятно, была одним из ее источников. В других летописных источниках Степ., в том числе в основных для нее Никоновской и Воскресенской летописях, а также в Софийской I младшей редакции, известия об Анании нет³⁸. Гипотетически можно предположить и причину замены Ивана на Ананию. Составители Степ. из круга будущего митрополита Афанасия (или даже сам он), весьма тщательно и кропотливо работавшие над своими многочисленными источниками, не нашли в них псковского посадника Ивана Матфеевича (псковских летописей в числе их источников, в отличие от Василия-Варлаама, не было). И когда в привлеченных материалах встретили посадника Ананию, была произведена замена. Возможно, сыграли свою роль участие в торжественном событии – освящении псковской Троицы или фонетическое сходство двух имен – Анания/Онанья и Иоанн/Иван.

Дополнительная информация появляется в рассказе о перенесении мощей Всеволода-Гавриила в редакции Григория, составленном в конце XVI – начале XVII в. Там уже прямо указывается дата перенесения мощей – 27 ноября 1192 (6700) г., говорится об участии в нем князя Ярослава Владимировича и посадника Ивана Матфеевича, причем Ярослав назван внуком «блаженнаго князя Гавриила» (то есть Всеволода Мстиславича). В. И. Охотникова пишет, что остается неясным каким источником пользовался Григорий. Однако это достаточно очевидно: таким источником могли быть расчеты и домыслы самого Григория, основанные на известиях новгородской летописи: из нее он знал, что у Всеволода Мстиславича был сын Владимир, а раз так, то князь, ставший инициатором прославления Всеволода-Гавриила и носивший отчество «Владимирович», мог быть только его внуком. По такому алгоритму Григорий работал и в других случаях. Среди прочего, он пишет, что в Киеве тогда княжил Святослав Ольгович, с которым он спутал Святослава Всеволодича (упоминается в летописи под соседним 6701 г. без отчества), а Петряту, владельца двора, где Всеволод заложил церковь св. Иоанна на Опоках, он отождествил с Петрятой из списка новгородских посадников, называя его пятым посадником «по Гостомысле»³⁹.

Итак, на наш взгляд, очевидно, что данные агиографического цикла о Всеволоде-Гаврииле как в редакции Василия-Варлаама, так и в редакции Степ. исторически недостоверны. Но даже если теоретически допустить обратное, нет никаких оснований считать их подтверждением того, что Ярослав Владимирович как-то особенно почитал Всеволода-Гавриила, тем более не как псковского, а как новгородского князя. Добавим, что каких-либо свидетельств наличия культа Всеволода-Гавриила в средневековом Новгороде также нет⁴⁰. Он почитался во Пскове, что вполне логично. Более того, совсем недавно С. М. Михеев обратил внимание на следующий любопытный факт. В майской

³⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 370; *Михеев С. М.* Датированная запись... С. 14.

³⁸ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. С. 293; *Усачев А. С.* Степенная книга... С. 264–267.

³⁹ *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 1. С. 164–165, 177, 190–191; ПСРЛ. Т. III. С. 21, 24, 40, 164.

⁴⁰ *Охотникова В. И.* Всеволод (Гавриил) Мстиславич. Почитание // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. IX. С. 546.

минее, происходящей из новгородского Благовещенского монастыря и хранящейся в Российской национальной библиотеке (датируется концом XI – началом XII в.), в последней четверти XII в. была оставлена запись на полях о закладке Всеволодом Мстиславичем Троицкого собора во Пскове в 1123 или 1133 г. (одна из цифр утрачена). Надпись эта информативная: в такой-то день «заложи Всеволод князь църквь...»⁴¹. Однако еще в древности надпись была *намеренно* смыта и частично затерта. Как предполагает С. М. Михеев, это было сделано недоброжелателем Всеволода-Гавриила, его рода и/или Пскова. Однако при всем недоброжелательстве к псковичам вряд ли кто-то из новгородцев стал бы уничтожать упоминание чтимого в Новгороде святого или просто даже почитавшегося там героя. Логично в этом усматривать негативное отношение именно к самому Всеволоду.

Версия о том, что под первым Всеволодом подразумевался Всеволод-Гавриил, не представляется убедительной и по другим, может быть, более важным причинам. Ярослав Владимирович не был прямым потомком Всеволода Мстиславича, а все известные отождествления относятся только к предкам по прямой линии: легитимность древнерусских князей основывалась на династических принципах, а не на позднейших представлениях об идеологической преемственности⁴². В 1148 г. новгородцы заявляют Изяславу Мстиславичу: «Ты наш князь, ты наш Володимиръ, ты наш Мъстиславъ, ради с тобою идемъ своихъ дѣля обидь»⁴³. Изяслав – сын Мстислава Великого и внук Владимира Мономаха.

⁴¹ Михеев С. М. Датированная запись...

⁴² См.: Михеев С. М. Датированная запись... С. 13, примеч. 20. – В августе 2022 г. А. А. Гиппиус и Е. Ю. Щеголькова представили в Великом Новгороде доклад, в котором среди прочего, вслед за поздней версией жития Всеволода-Гавриила, предложили считать Ярослава Владимировича внуком Всеволода Мстиславича и сыном его сына Владимира Всеволодича, о жизни и деятельности последнего после 1136 г. ничего не известно, поэтому в историографии утвердилось мнение, что он вскоре умер (см., например: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей... С. 211). Этой версии противоречит ряд фактов, начиная с прямого наименования в НПЛ Ярослава внуком Мстислава (а не правнуком) (ПСРЛ. Т. III. С. 44). Здесь было бы неуместно развернутое обсуждение неопубликованного выступления, но следует акцентировать внимание на обращении в «Слове» Даниила Заточника к Ярославу Владимировичу (по мнению большинства ученых, именно ктитору храма Спаса на Нередице и «второму Всеволоду»): «Помилуй мя, сыне великаго царя Владимира» (Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII и их переделкам / Подгот. Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. 11). Эта фраза, согласно современному исследованию Л. В. Соколовой, читалась уже в архетипе памятника (*Соколова Л. В.* К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. XLIII. С. 249). Конечно, в этот период слово «царь» не было титулом, не имело четкого политико-институционального значения и могло прилагаться к князьям разного статуса (*Vodoff W.* Remarques sur le valeur du terme “tsar” appliqué aux princes russes avant le milieu de XVe siècle // *Vodoff W.* Princes et principautés russes (X^e – XVIIe siècles). Northampton, 1989. III. P. 1-41; *Горский А. А.* Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 17–37). Однако кажется более логичным наименование «великим царем» княжившего в Киеве и умершего киевским князем сына Мстислава Великого Владимира, чем малоизвестного Владимира Всеволодича, фактически, изгоя, о котором забыли даже весьма интересовавшиеся потомством Мономаха летописцы.

⁴³ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Ипатьевская летопись. Стб. 369–370.

В апреле 1212 г. после смерти Всеволода Большое Гнездо его сын Ярослав вокняжился в Переяславле Суздальском (Залесском). Согласно Летописцу Переяславля Суздальского (далее – ЛПС), переяславцы приветствуют его: «Велми, господине, тако буди, ты нашъ господинъ, ты Всеволодь»⁴⁴. Тут прослеживается та же логика: отец продолжает свою жизнь в сыне.

Не говоря о том, что Ярослав Владимирович был не сыном, а племянником Всеволода-Гавриила, вызывает сомнение сама возможность почитания Ярославом Мстиславичей. Его отец Владимир Мстиславич был сыном Мстислава Великого от второго брака, и отношения между единокровными братьями были, мягко говоря, далеки от идеальных. Об этом свидетельствует как прозвище «Мачешич», которым его называет Киевский свод в составе Ипатьевской летописи (далее – Ип.), так и общая негативная характеристика. В одном фрагменте Ип. говорится следующее: «...бшае къ всеи братьи своеи верьливь, не управляше к нимъ хрестьного цѣлования». В другом месте отмечается, что Владимир «много подья бѣды» «за свою вину, занеже не устояше въ крестномъ цѣлованьи...»⁴⁵. Киевский свод, где содержатся эти характеристики, находился, как известно, под контролем старших Мстиславичей (одним из которых и был Всеволод-Гавриил) и их потомков. Отождествлять себя с представителем враждебного своему отцу семейства у Ярослава Владимировича вряд ли могли быть основания.

Но и это еще не всё. Хотя церковь Спаса на Нередице и была княжеской постройкой, все равно очень сомнительно, чтобы новгородский князь демонстрировал новгородцам свою преемственность от изгнанного ими с позором князя, память о чем была очень четко зафиксирована во владычном летописании. Всеволод был первым князем, принятым во Пскове против воли Новгорода и, естественно, как уже говорилось выше, его образ не мог не носить некоторого антиновгородского оттенка. Даже если считать, что Ярослав Владимирович действительно одобрил локальный культ Всеволода-Гавриила (что, как мы видели, более чем сомнительно), то это мог быть именно псковский культ, но отнюдь не новгородский. Патрон Ярослава Владимировича Всеволод Большое Гнездо тоже вряд ли поддержал бы притязания своего протеже на роль второго Всеволода-Гавриила. Его родной отец, Юрий Долгорукий в 1130-е гг. находился с последним в конфликте, выгонял его из Переяславля Южного, где он тогда княжил, воевал с ним на Ждане горе, последствием чего стало изгнание Всеволода Мстиславича из Новгорода⁴⁶.

Таким образом, мы приходим к выводу, что кандидатуры Всеволода Большое Гнездо и Всеволода Мстиславича на роль «первого Всеволода» из надписи в Спасе на Нередице вряд ли подходят, хотя это не означает теоретической невозможности того, что под «первым Всеволодом» мог пониматься один из них. В этой ситуации оправдан поиск другого претендента.

И, как кажется, такой кандидат отыскивается. В летописании, причем не только новгородском, отразились представления о новгородской вольности. Согласно наиболее распространенным трактовкам, эта вольность была дарована предками современных князей. Важнейшее значение здесь имеет древнейший рассказ о походе войск Андрея

⁴⁴ ПСРЛ. М., 1995. Т. XLI. Летописец Переяславля Суздальского. С. 129–130.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 547, 567. – См. также: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей... С. 178).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 300; ПСРЛ. Т. III. С. 23.

Боголюбского и его союзников на Новгород в 1170 г.⁴⁷, сохранившийся в Лаврентьевской летописи (далее – Лавр.) и Ип. в составе так называемой антиновгородской версии повести о битве новгородцев с суздальцами. В обеих летописях текст содержит следы редактуры, в значительной степени неудачной⁴⁸. Объясняется это использованием в обеих летописях общего северо-восточного (суздальского) источника (в Ип. – со второй половины XII в.), но характер соотношения текстов до конца неясен⁴⁹. Приведем его по более полной версии Лавр.: «Тако и сия люди Новгородьскыя наказа Богъ и смъри я дозъла за преступленье крестное, и за гордость ихъ наведи на ня, и милостью своею избави град ихъ. Не глаголем же: “Прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадъды князь наших”, но аще бы тако было, то велъли ли имъ преднии князи крестъ преступити, или внукуы, или правнукуы соромляти, а крестъ честный цъловаше ко внуком ихъ и к правнукомъ, то преступати»⁵⁰.

Текст Лавр. восходит к своду, который А. А. Шахматов датировал 1185 г. Высказывались предположения и об иной его датировке, и о предшествующем владимирском своде, который ряд исследователей датирует в пределах 1170-х гг.⁵¹ В любом случае, не вызывает сомнений, что мы имеем дело с записью современника, жившего в Суздальской земле и работавшего в интересах ее правителей. М. Д. Присёлков, который датирует владимирский летописный свод 1177 годом, характеризует его составителя так: «Сводчик 1177 г., конечно, владимирец, лицо, весьма близко разделяющее все политические планы Андрея Боголюбского и его преемника Всеволода...». По мнению исследователя, сводчиком мог быть клирик Успенского собора во Владимире⁵². С этим в целом можно согласиться. Прадедом Андрея Боголюбского был, как известно, киевский князь Всеволод Ярославич.

Это может показаться натяжкой, тем более что под «прадедами» могли пониматься и просто предки⁵³. Но есть и более конкретные свидетельства. В их ряду находится панегирик, от имени новгородцев адресованный в Ип. умершему в 1180 г. Мстиславу Ростиславичу как князю, «створшему толикую свободу Новгородьцемъ от поганыхъ,

⁴⁷ В Ип. проставлена ошибочная дата. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 68, 184–186.

⁴⁸ *Юрьева И. С.* Общий текст Киевской и Суздальской летописей. М., 2022. С. 25–26.

⁴⁹ *Шахматов А. А.* Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи // Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. II. Статьи о тексте и миниатюрах летописи. СПб., 1902. С. 43–46; *Агафонов И. С.* Осада Новгорода в 1170 г. по письменным источникам: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 95–97.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Лаврентьевская летопись. Стб. 362. – См. также: ПСРЛ. Т. II. Стб. 561. – В тексте на месте ключевых для нашей темы слов «яко издавна суть свобожени Новгородци» – лакуна. Есть некоторые основания полагать, что в нынешнем виде это более поздняя вставка (*Юрьева И. С.* Общий текст... С. 26), но в любом случае на этом месте должно было читаться в первоначальном тексте нечто близкое по смыслу.

⁵¹ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 15–18; *К[лосс] Б. М.* Лаврентьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003. С. 23–26.

⁵² *Присёлков М. Д.* История русского летописания. XI–XV вв. СПб., 1996 (1-е изд. – 1940). (Studiorum slavica monumenta. Т. 11). С. 119, 122–123.

⁵³ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (далее – СДРЯ). М., 2004. Т. VII. С. 463.

якоже и дѣдъ твои Всеволодъ свободил ны бяше от всѣхъ обидъ»⁵⁴. Кто такой «дед твой Всеволод»? Б. Н. Флорей уже было выдвинуто предположение о том, что это киевский князь Всеволод Ярославич, который, хотя и не являлся дедом Мстислава Ростиславича в буквальном смысле слова, но был его пращуром, предком по прямой линии – дедом его деда, Мстислава Великого, носившего то же имя. Последнее обстоятельство и могло спровоцировать такое наименование, наряду с очень распространенным в древней Руси, и именно в княжеской среде, выражением «отцы и деда твои, свои, наши» в значении «предки из своего рода»⁵⁵.

Эта точка зрения имеет серьезные основания. То, что Всеволода не забывали Ростиславичи, подтверждается другим панегириком – Рюрику Ростиславичу, в княжение которого возникла окончательная редакция Киевского свода. В нем говорится, что «богомудрый князь Рюрикъ пятый бысть о того» (то есть от Всеволода Ярославича) – точно, как сказано в Библии «о правѣднемъ Иевѣ от Аврама»⁵⁶. Тут важно не столько упоминание Всеволода Ярославича, связанное с основанием Выдубицкого монастыря и строительством в нем Михайловской церкви, рядом с которой Рюрик Ростиславич возвел стену. Важно, что Всеволод Ярославич сравнивается с ветхозаветным прародителем множества народов и, в частности, избранного – еврейского и всех христианских. Любопытно, что в этом качестве выступает именно Всеволод Ярославич, а не Ярослав Мудрый или Владимир Мономах (хотя представление о «Владимировом племени» в летописи зафиксировано). Возможно, это была лишь локальная традиция Ростиславичей, связанная с Выдубицким монастырем, и этого нельзя полностью исключать, учитывая, что автором панегирика Рюрику и, скорее всего, панегириков его предкам в Ип. был игумен Выдубицкого монастыря Моисей⁵⁷. Однако если обратиться к сентенции о «грехах» новгородцев в Лавр. и Ип., нетрудно заметить следующее. Известие это, как уже говорилось, – владимирское. Если понимать указание на дарование свобод новгородцам прадедами «наших князей» буквально, оказывается, что оно ведет к Ярославичам и, прежде всего, ко Всеволоду: Андрей Боголюбский и его братья были правнуками именно Всеволода Ярославича⁵⁸.

Есть, однако, и прямое свидетельство, подтверждающее, что Всеволод Ярославич особо почитался и сзудальскими Мономахичами и именно в контексте их притязаний на власть в Новгороде. Под 1199 г. в Лавр. и родственных ей летописях рассказывается о приглашении новгородцами на княжеский стол сына Всеволода Большое Гнездо Святослава. В Лавр. прибывшая во Владимир-на-Клязьме новгородская

⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 610.

⁵⁵ Флоря Б. Н. 1) Новгород и князья в XII в. // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 298–299; 2) Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2012. С. 42–43; СДРЯ. М., 1990. Т. III. С. 151. – Между прочим, высказывалось мнение о том, что и в данном случае имеется в виду Всеволод-Гавриил (*Охотникова В. И.* Всеволод (Гавриил)... С. 545). Непонятно, впрочем, почему дядя (брат отца) Мстислава Ростиславича был назван его дедом, то есть представителем другого поколения.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 709.

⁵⁷ Присёлков М. Д. История... С. 86–89.

⁵⁸ См. также: Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 84.

делегация говорит Всеволоду Юрьевичу так: «Ты господинъ князь великий Всеволодъ Гюргевиич, просимъ у тебе сына княжить Новугороду...»⁵⁹. В Летописце Переяславля Суздальского, в котором отразилась переяславская редакция начала XIII в. более раннего владимирского свода, представленного Лавр., читаем: «Ты господинъ, ты Гюрги, ты Владимиръ, просимъ у тебе сына княжить Новугороду»⁶⁰. Здесь, по законам так называемого мифологического отождествления, Всеволод Большое Гнездо оказывается не просто «господином» и «великим князем», а как бы реинкарнацией своих отца и деда: Юрия Долгорукого и Владимира Мономаха, и на этом основании получает права распоряжаться новгородским княжением. Но в Радзивилловской (далее – Радз.) и Московско-Академической (далее – Ак.) летописях читается иначе: «Господине, ты еси Володимиръ, ты Юрьгии, ты Всеволодъ»⁶¹. В тексте появляется еще и прадед – Всеволод Ярославич, и это полностью подтверждает, что под прадедом «наших князей» действительно могло пониматься конкретное историческое лицо.

Когда появилось это добавление? Тут допустимы два варианта. Вставка могла появиться при переяславской переработке владимирского свода конца XII в., а потом «потеряться» при переписке ЛПС (что, возможно, было спровоцировано совпадением имен прадеда и правнука). С другой стороны, это добавление может восходить к протографу Радз. и Ак., который, в свою очередь, представлял собой опиравшуюся на переяславскую редакцию переработку владимирского свода. Если верна вторая версия, то точно датировать переработку затруднительно. Вероятно, она производилась в интересах владимирского князя Юрия Всеволодича (сына Всеволода Большое Гнездо) и, не исключено, не один раз. А. А. Шахматов обратил внимание на то, что в одном месте в протографе Радз. и Ак. исходное чтение «половци» было изменено на «татарове»⁶², что указывает на время, как минимум, после битвы на Калке⁶³. Как бы то ни было, ясно, что память о Всеволоде Ярославиче как о создателе модели отношений с Новгородом жила среди элиты Суздальской земли еще при его праправнуках.

От каких именно «обид» освободил Новгород Всеволод Ярославич? Всеволод никогда в Новгороде не княжил, и вряд ли тут подразумеваются, как в случае с Мстиславом Ростиславичем, его военные подвиги. В. Л. Янин предположил, что в конце 1080-х гг. между Всеволодом Ярославичем, который тогда княжил в Киеве, и новгородцами было заключено соглашение, в соответствии с которым тогдашнего новгородского князя Святополка Изяславича сменял внук Всеволода Мстислав Владимирович. Это было обусловлено, во-первых, закреплением Новгорода за потомством Всеволода Ярославича, во-вторых, признанием права новгородцев самостоятельно избирать посадников⁶⁴. Гипотеза представляется весьма интересной: она объясняет одновременно память о Всеволоде в южнорусском и северо-восточном летописании потомков Всеволода Ярославича; помещает институциональные основы новгородской вольности в эпоху,

⁵⁹ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Стб. 415.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XLI. С. 123.

⁶¹ ПСРЛ. Л., 1989. Т. XXXVIII. Радзивилловская летопись. С. 160; Т. I. Стб. 415–416, разночтения.

⁶² Шахматов А. А. Обзорение... С. 50.

⁶³ Подробнее см.: Лурье Я. С. О происхождении Радзивилловской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины (далее – ВИД). Л., 1987. Вып. 18. С. 75–79, 81 (стемма).

⁶⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 83–84.

очень близкую к Ярославу Мудрому (вспомним «Ярославли грамоты» и характеристику Всеволода в начальной летописи как любимого сына Ярослава⁶⁵); объясняет возмущение князей тем, что они считали нарушением этих «исконных» установлений. К этому можно еще добавить и амбивалентную оценку начальной летописи правления Всеволода Ярославича в его некрологе. Летописец, с одной стороны, весьма высоко отзывается об усопшем князе, с другой, отмечает, что «печаль бысть ему от сыновець своих», то есть племянников, которые претендовали на расширение своих владений, он же их замирял, раздавая им волости⁶⁶. Такой обстановке вполне соответствует и предоставление неких «прото-вольностей» новгородцам.

Обращение к образу Всеволода Ярославича было выгодно Ярославу и по династическим расчетам, память о нем носила именно княжеско-династический характер. Противниками Ярослава Владимировича в борьбе за новгородское княжение стали представители смоленского (Мстислав Давыдович) и черниговского (Ярополк Ярославич) домов. В обоих случаях апелляция к Всеволоду Ярославичу являлась актуальной. Ярослав – старший его потомок, в том числе по отношению к Мстиславу Давыдовичу, Всеволоду Мстиславичу последний приходился внучатым племянником, а его дед – Ростислав Мстиславич – был сыном Мстислава от того же брака, что и Всеволод-Гавриил. Черниговские князья, будучи потомками второго сына Ярослава Мудрого Святослава, не имели отношения к потомству Всеволода Ярославича. Особых возражений против возвеличивания своего прадеда (кстати, соименного ему) и общего с Ярославом предка не должен быть иметь и Всеволод Большое Гнездо, тем более что это не отсылало к каким-то конкретным притязаниям: Всеволод Ярославич был киевским князем XI в., и апелляция к нему никак не угрожала могущественному правителю Суздальской земли.

Таким образом, нет, как нам кажется, никаких доводов против кандидатуры Всеволода Ярославича на роль «первого Всеволода» в ктиторской надписи Ярослава Владимировича и есть многочисленные доводы «за». В связи с вышеизложенным следует снова присмотреться к «Церковному уставу Всеволода». Традиционно он, вместе с «Рукописанием», приписывается Всеволоду Мстиславичу. Однако еще Я. Н. Шапов убедительно показал, что для этого нет никаких оснований. Если в «Рукописании» определенно сказано, что его издатель – «князь великий Гаврииль, нареченный Всеволод, самодержец Мстиславецъ, внукъ Володимеровъ, властвующе всею Рускою землею и властью новгородскою»⁶⁷, то с «Церковным уставом» положение иное. В нем фигурирует «князь великий Всеволод, нареченный въ святѣмъ крещении Иг'ошь, правнукъ Игоревъ и блаженныя прабабы Ольги, наречен'ныя въ святѣмъ крещении Елена и матере Володимеровы, наречен'наго въ святѣмъ крещении Василие»⁶⁸. На наш взгляд, следует согласиться с Я. Н. Шаповым, что отождествление двух Всеволодов, несвойственное археографической традиции, не имеет под собой серьезных оснований⁶⁹. Противники отождествления предлагали на роль Всеволода из «Церковного устава» разных

⁶⁵ ПСРЛ. Т. I. С. 215–216.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 216.

⁶⁷ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шаповым. М., 1976 (далее – ДКУ). С. 160.

⁶⁸ ДКУ. С. 154. – Иг'ошь – до сих пор убедительно не расшифрованная тайнопись.

⁶⁹ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 168.

кандидатов⁷⁰, но нам кажется, что напрасно не обсуждалась кандидатура Всеволода Ярославича. Текст «Церковного устава» Всеволода представляет собой, по-видимому, многослойное произведение – соединение «Церковного устава» Владимира с местными новгородскими установлениями, принимавшимися в разное время⁷¹. Поэтому в слоях текста может появляться различное содержание. Тем не менее, обращают на себя два обстоятельства.

Во-первых, Всеволод «Церковного устава» назван правнуком князя Игоря Рюриковича. В реальности Всеволод Ярославич был праправнуком Игоря. Но составитель документа ошибся в генеалогических расчетах и там же назвал «прабабку» Ольгу матерью Владимира Святого. Тем самым пропало одно поколение (в лице убежденного язычника Святослава Игоревича), и все как бы встало на свои места: правнуком Игоря и Ольги – по буквальному, хотя и ошибочному смыслу составителя Устава – мог быть только Всеволод Ярославич, но никак не Всеволод Мстиславич, отстоявший от древних киевских князей на много поколений.

Во-вторых, ниоткуда не следует, что автор преамбулы Устава считал его номинального издателя новгородским князем. В ней и в первых статьях документа он титулуется «великим князем», подчеркивается его преемственность от первых киевских князей и упоминаются киевские реалии (Десятинная церковь, София Киевская, торг святой Богородицы в Киеве)⁷². В последующих статьях речь идет только о Новгороде, но тут надо помнить о неоднородности текста и его, по-видимому, неоднократных новгородских переработках. По изначальной логике документа, издатель Устава выглядит киевским князем, в сфере полномочий которого находится и Новгород. Таким князем, конечно, мог быть Всеволод Ярославич, а не никогда не княживший в Киеве и не имевший никаких полномочий отдавать там какие-либо распоряжения Всеволод Мстиславич или другие новгородские князья с этим именем.

Текст документа сложился под влиянием «Церковного устава Владимира», и его преамбула ориентируется на преамбулу этого источника. Но она была не механически переписана, а отредактирована, что свидетельствует о целенаправленной работе с исходным текстом⁷³. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, по убедительно обоснованному предположению Б. Н. Флори, один из важнейших этапов в истории Устава

⁷⁰ См.: *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь... С. 169–174.

⁷¹ *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь... С. 170–172; *Флоря Б. Н.* К изучению церковного устава Всеволода // *Россия в Средние века и Новое время: Сборник статей к 70-летию Л. В. Милова.* М., 1999. С. 83–96; *Гунтуис А. А.* К истории церковного устава Всеволода // *Новгород и Новгородская земля: История и археология (Материалы научной конференции: Новгород, 28–30 января 2003).* Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 163–173 (с разными оценками и датировками).

⁷² ДКУ. С. 154–155.

⁷³ Речь идет о заявленном, а не реальном издателе документа: какой именно князь и в какой степени имел к этому отношение, сказать сложно. Если, как мы предполагаем, в преамбуле документа подразумевается Всеволод Ярославич, следует говорить о «псевдоэпиграфе» – приписывании документа авторитетному правителю прошлого. В пользу такого варианта высказывался Я. Н. Щапов, предлагая фигуру другого кандидата (*Щапов Я. Н.* Княжеские уставы... С. 172–174).

приходится на 80-е гг. XII в. – время княжения Ярослава Владимировича, имевшего, как было показано выше, все основания к возвеличиванию своего прапрадеда⁷⁴.

В «Рукописании» в качестве издателя документа действительно заявлен Всеволод Мстиславич. Общепринятой датировки памятник тоже не имеет, но в сохранившемся виде он никак не может восходить к XII в. В историографии отмечены присутствующие в нем несомненные анахронизмы, а время создания памятника в нынешнем виде варьируется между XIII и XIV–XV вв.⁷⁵ Преамбула, характеризующаяся одновременно анахроничностью и противоречащим всякой логике возвеличиванием изгнанного из Новгорода князя, производит впечатление текста, составленного в кругах, недоброжелательно относившихся к Новгородской республике – Всеволод Мстиславич провозглашается великим князем, правителем всей Русской земли и единоличным владыкой Новгородской волости, «самодержцем». Документ мог быть написан только после того, как закрепилось представление о том, что княжеский стол в Новгороде должен занимать великий князь владимирский – то есть никак не ранее второй половины XIII в.⁷⁶ И здесь привлекает внимание факт, что многие списки «Рукописания» сохранились в виде приложения к псковским летописям и к житию Всеволода-Гавриила⁷⁷. Все это – тема будущих исследований, здесь важно, что привязка «Рукописания» к Всеволоду Мстиславичу имеет совершенно конкретную, прозаическую причину, на которую обратил внимание еще А. А. Зимин. В летописи князь назван создателем церкви Иоанна на Опоках (на Петрятине дворе), и именно Иванскому купечеству адресована эта грамота⁷⁸. Таким образом, и «Рукописание» не может свидетельствовать о каком-то особом почитании Всеволода Мстиславича в Новгороде (хотя, конечно, подразумевает, что конфликтные обстоятельства его княжения могли по истечении столетий отойти в исторической памяти на задний план).

Итак, если наша гипотеза верна, получается следующее. В поздней литературной традиции, а вслед за ней и в научной историографии образ Всеволода Мстиславича – главного героя и жертвы новгородской «революции» 1136 г. оказался непомерно преувеличен. В действительности образ князя имел в большей степени локальное значение, будучи важен в основном для Пскова. С другой стороны, образ Всеволода Ярославича, игравший, как выясняется, существенную роль в династических представлениях Рюриковичей XII–XIII вв. и окружавшей их элиты, оказался впоследствии как бы

⁷⁴ Флоря Б.Н. К изучению...

⁷⁵ См. об этом: Зимин А. А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия: Сборник статей. М., 1952. С. 123–131; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 121–129.

⁷⁶ См.: Зимин А. А. Уставная грамота... С. 128. – В еще более позднее время ведет упоминание в одной из статей «Рукописания» титула «великий князь всея Руси» (ДКУ. С. 162). Как показано в современных исследованиях, этот титул (или «формула») появляется лишь при великом князе владимирском Михаиле Ярославиче (1305–1317) (Кучкин В. А. О принятии Михаилом Ярославичем Тверским и владимирскими князьями титула «великий князь всея Руси» // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь 2008. С. 8–21; Горский А. А. Титулование «всея Руси» и русские князья XI–XIII вв. // Горский А. А. «Бещисленныя рати и великия труды»: Проблемы русской истории XI–XV вв. СПб., 2018. С. 93–95).

⁷⁷ ДКУ. С. 159–160.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 21. – См.: Зимин А. А. Уставная грамота... С. 130.

«затерт» между образами приобретших по разным причинам исключительную популярность его отца и сына – Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха⁷⁹.

Информация о статье

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

Автор благодарит всех коллег, принимавших участие в обсуждении этого текста, а также тех, кто давал ценные советы, критические замечания и рекомендации, особенно А. А. Адашинскую, А. А. Вовина, А. А. Гишпиуса, В. Б. Крысько, А. Ф. Литвину, С. М. Михеева, А. С. Преображенского, Е. Ю. Щеголькову. Никто из них не несёт ответственности за возможные ошибки и пробелы.

Автор: Лукин, Павел Владимирович – доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН; ведущий научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, Orc ID 0000-0003-1439-0815, Researcher ID AАН-5573-2020, Scopus ID 26034050800; e-mail: lukinpavel@yandex.ru.

Заголовок: Кем был «первый Всеволод»? К интерпретации ктиторской надписи в церкви Спаса на Нередице

Резюме: В статье рассматривается похвальная надпись в церкви Спаса на Нередице, построенной и расписанной фресками в конце XII века. В храме сохранился портрет ктитора – новгородского князя Ярослава Владимировича с похвальной надписью в его честь, в которой он назван «боголюбивым князем, вторым Всеволодом». Встает вопрос: кто подразумевался под «первым Всеволодом»? Учеными предлагались две кандидатуры: владимирского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, протееже которого был Ярослав, и новгородского князя Всеволода Мстиславича, изгнанного из Новгорода в 1136 г. Всеволод Большое Гнездо не подходит на эту роль, так как во время росписи храма он был жив, и такое возвеличивание не соответствовало древнерусским традициям. Главный аргумент в пользу кандидатуры Всеволода Мстиславича – агиографическое произведение, написанное во Пскове по поводу перенесения его мощей – оказывается поздним и недостоверным текстом. В статье обосновывается предположение о том, что под «первым Всеволодом» подразумевался киевский князь Всеволод Ярославич (1077, 1078–1093), который был прадедом Ярослава Владимировича. В летописях имеются свидетельства почитания Всеволода Ярославича в роду его потомков, самым старшим из которых был в конце 90-х годов XII века именно Ярослав. Кроме того, возможно, именно с Всеволодом Ярославичем связывалось тогда происхождение новгородских вольностей. С другой стороны, отец Ярослава Владимир Мстиславич и Всеволод Мстиславич были сыновьями киевского князя Мстислава Великого от разных браков и принадлежали к враждовавшим между собой княжеским группировкам. И для Ярослава Владимировича, и для новгородцев Всеволод Ярославич был намного более приемлемым объектом для возвеличивания. Статья показывает, что историография оказалась под влиянием поздней агиографии и представлений историков Новейшего времени о «революции» 1136 г., жертвой которой был Всеволод Мстиславич. В то же время реальные династические представления Рюриковичей XII–XIII вв. и окружавшей их элиты оказались забыты.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюриковичи, церковь Спаса на Нередице, Всеволод Ярославич, Всеволод Мстиславич, средневековый Новгород

Литература, использованная в статье:

Агафонов, Иван Сергеевич. Осада Новгорода в 1170 г. по письменным источникам: Дис. на соискание степени канд. ист. наук. Москва, 2015. 164 с.

⁷⁹ Путаница между почитавшимся правителем прошлого и правителем более «актуальным», носившими одно и то же имя, не уникальна. В одном из средневековых английских источников имеется упоминание о том, как таким образом убитый в 978 г. король Эдуард Мученик был смешан с правившим в середине XI в. Эдуардом Исповедником. Это произошло в XII в., а рассказ об этом возник в связи с готовившейся канонизацией последнего (*Marafioti N. The King's Body. Burial and Succession in Late Anglo-Saxon England. Toronto; Buffalo; London, 2014. P. 49*).

- Бережков, Николай Георгиевич.* Хронология русского летописания. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 376 с.
- Вовин, Алексей Александрович.* Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. (Серия Res Publica. Вып. 11). 398 с.
- Гиптус, Алексей Алексеевич.* К истории церковного устава Всеволода // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы научной конференции: Новгород, 28–30 января 2003. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 163–173.
- Гиптус, Алексей Алексеевич.* Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О. Е. Этингhoff. Москва: Индрик, 2005. С. 11–24.
- Горский, Антон Анатольевич.* Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. Москва: Изд-во Института Российской истории РАН, 1999. (Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2). С. 17–37.
- Горский, Антон Анатольевич.* «Бещисленные рати и великия труды»: Проблемы русской истории XI–XV вв. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2018. С. 93–95.
- Дмитриев, Бенислав Сергеевич.* Княжеский некрополь Псковского Троицкого собора (по данным письменных источников) // Средневековая Русь. Москва: Индрик, 2011. Вып. 9. С. 153–166.
- Зимин, Александр Александрович.* Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия: Сборник статей. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 123–131.
- Домбровский, Дариуш.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ю. Ерусалимского и О. А. Остапчук. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2015. (STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS. Вып. 10). 879 с.
- Кафенгауз, Бернгардт Борисович.* Древний Псков: Очерки по истории феодальной республики. Москва: Наука, 1969. 136 с.
- Кучкин, Владимир Андреевич.* О принятии Михаилом Ярославичем Тверским и владимирскими князьями титула «великий князь всея Руси» // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь: СФК-офис, 2008. С. 8–21.
- Лукин, Павел Владимирович.* «Великий Новгород» // Slověne. 2018. Vol. 7. № 2. С. 383–413.
- Лурье, Яков Соломонович.* О происхождении Радзивилловской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград: Изд-во Наука, Ленинградское отделение, 1987. Вып. 18. С. 64–82.
- Михеев, Савва Михайлович.* Датированная запись о закладке псковского Троицкого собора Всеволодом Мстиславичем в новгородской рукописи XII века // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 7–22.
- Охотникова, Валентина Ильинична.* Цикл произведений, посвященных князю Всеволоду-Гавриилу // Труды отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. Т. LVII. С. 584–616.
- Охотникова, Валентина Ильинична.* Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты: В 2 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 1. Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. 276 с.
- Пивоварова, Надежда Валерьевна.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. Санкт-Петербург: Арт; Дмитрий Буланин, 2002. 256 с.
- Преображенский, Александр Сергеевич.* Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века. Москва: Северный паломник, 2010. 542 с.
- Присёлков, Михаил Дмитриевич.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1996. (Studiorum slavicoorum monumenta. Т. 11). 325 с.
- Седова, Римма Алексеевна.* Рукописная традиция «Жития Петра» в редакции митрополита Киприана // Труды отдела древнерусской литературы. Ленинград: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 1983. Т. XXXVII. С. 256–268.
- Соколова, Лидия Викторовна.* К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // Труды отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 1993. Т. XLIII. С. 229–255.
- Усачев, Андрей Сергеевич.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. 760 с.

Флоря, Борис Николаевич. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в Средние века и Новое время: Сборник статей к 70-летию Л. В. Милова. Москва: РОССПЭН, 1999. С. 83–96.

Флоря, Борис Николаевич. Новгород и князья в XII в. // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В. Л. Янина. Москва: Памятники исторической мысли, 2009. С. 295–299.

Флоря, Борис Николаевич. Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран / Отв. ред. Б. Н. Флоря. Москва: Знак, 2012. С. 9–94.

Щапов, Ярослав Николаевич. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. Москва: Наука, 1972. 340 с.

Юрьева, Ирина Сергеевна. Общий текст Киевской и Суздальской летописей. Москва: Изд-во Института русского языка, 2022. 207 с.

Янин, Валентин Лаврентьевич. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.

Marafioti, Nicole. The King's Body. Burial and Succession in Late Anglo-Saxon England. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2014. 320 p.

Vodoff, Vladimir. Remarques sur le valeur du terme “tsar” appliqué aux princes russes avant le milieu di XVe siècle // Vodoff, Vladimir. Princes et principautés russes (X^e – XVIIe siècles). Northampton: Variorum repr., 1989. III. P. 1–41.

Information about the article

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID 075-15-2022-326).

The author thanks all the colleagues who took part in the discussion of this text for their advice and recommendations, especially A. A. Adashinskaya, A. A. Vovin, A. A. Gippius, V. B. Krysko, A. F. Litvin, S. M. Mikheev, A. S. Preobrazhensky, E. Y. Shchegolkov. None of them is responsible for possible errors and gaps.

Author: Lukin, Pavel Vladimirovich – Dr. Sc. in History, professor, Principal Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, The School for Advanced Studies in the Humanities, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Orc ID 0000-0003-1439-0815, Researcher ID AAH-5573-2020, Scopus ID 26034050800; e-mail: lukinpavel@yandex.ru

Title: Who was the «first Vsevolod»? A New Interpretation of the Ktetor Inscription in the Saviour Church on Nereditsa Hill

Summary: The article discusses a praise inscription in the Saviour Church on Nereditsa Hill, built and decorated with frescoes at the end of the 12th c. In the church there is a portrait of the ktetor, Prince Yaroslav Vladimirovich of Novgorod, with an inscription praising him, in which he is called «the God-loving prince, the second Vsevolod». The question arises: who was meant by the «first Vsevolod»? Scholars offered two candidates: the Vladimir Prince Vsevolod the Big Nest, whose protégé was Yaroslav, and the Novgorod Prince Vsevolod Mstislavich, driven out of Novgorod in 1136. Vsevolod the Big Nest, as has been shown in previous scholarship, does not fit this role, because at the time of the temple's painting he was alive, and such exaltation did not comply with the Old Russian traditions. The main argument in favour of the candidacy of Vsevolod Mstislavich is an account of the hagiographic work, written in Pskov on the occasion of the transfer of his relics. However, it turns out to be a late and unreliable text. The author substantiates the idea that by the «first Vsevolod» may have been implied the Prince of Kiev Vsevolod Yaroslavich (1077, 1078–1093), who was the great grandfather of Yaroslav Vladimirovich. In annals there are evidences of veneration of Vsevolod Jaroslavich by his descendants, the eldest of which in the late 1190s was Yaroslav. Besides, it was Vsevolod Yaroslavich who according to some evidence was considered as a donator of the Novgorod liberties at that time. On the other hand, Yaroslav's father Vladimir Mstislavich and Vsevolod Mstislavich were the sons of the prince of Kiev Mstislav the Great from different marriages, and belonged to the princely clans mostly warring with each other. Both for Yaroslav Vladimirovich and for Novgorodians Vsevolod Yaroslavich was a much more acceptable figure to be praised and to serve as a model for descendants. The article shows that historiography was influenced by late hagiography and modern historians' perceptions of the Novgorod «revolution» of 1136, of which Vsevolod Mstislavich was a victim. At the same time real dynastic beliefs of Riurikids in pre-Mongol Rus and the elite surrounding them have turned out to be almost completely forgotten.

Keywords: Old Rus, Riurikids, The Saviour Church on Nereditsa Hill, prince Vsevolod Yaroslavich, prince Vsevolod Mstislavich, medieval Novgorod

References:

- Agafonov, Ivan Sergeevich. *Osada Novgoroda v 1170 godu po pis'mennym istochnikam* [The siege of Novgorod in 1170 according to written sources]: PhD thesis. Moscow, 2015. 164 p. (in Russian).
- Berezhkov, Nikolay Georgievich. *Hronologiya russkogo letopisaniya* [Chronology of the Russian chronicle]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ, 1963. 376 p. (in Russian).
- Dmitriev, Benislav Sergeevich. Knyazheskiy nekropol' Pskovskogo Troitskogo sobora (po dannym pis'mennyh istochnikov) [The Princely necropolis of the Pskov Trinity Cathedral (according to written sources)], in *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Russia]. Issue 9. Moscow: Indrik Publ., 2011. Pp. 153–166. (in Russian).
- Dombrowski, Dariusz. *Genealogiya Mstislavichy: Pervye pokoleniya (do nachala XIV v.)* [Genealogy of the Mstislavichs: The first generations (before the beginning of the XIV century)]. Ed. by K. Y. Yeruslimsky and O. A. Ostapchuk. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2015. (STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS. Issue 10). 879 p. (in Russian).
- Florya, Boris Nikolaevich. K izucheniyu tserkovnogo ustava Vsevoloda [To the study of the Church charter of Vsevolod], in *Rossiya v Srednie veka i Novoe vremya* [Russia in the Middle Ages and Modern Times]: A collection of articles for the 70th anniversary of L. V. Milov. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999. Pp. 83–96. (in Russian).
- Florya, Boris Nikolaevich. Novgorod i knyazya v XII veke [Novgorod and the Princes in the XII century], in *Velikiy Novgorod i Srednevekovaya Rus'* [Veliky Novgorod and Medieval Russia]: Collection of articles: To the 80th anniversary of Academician V. L. Yanin. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy misli Publ., 2009. Pp. 295–299. (in Russian).
- Florya, Boris Nikolaevich. Predstavleniya ob otnosheniyah vlasti i obshchestva v Drevney Rusi (XII – nachalo XIII veka) [Ideas about the relations of power and society in Ancient Russia (XII – early XIII centuries)], in *Vlast' i obshchestvo v literaturnih tekstah Drevney Rusi i drugih slavyanskikh stran* [Power and society in literary texts of Ancient Russia and other Slavic countries]. Ed. by B. N. Florya. Moscow: Znack Publ., 2012. Pp. 9–94. (in Russian).
- Gippius, Alexey Alekseevich. K istorii tserkovnogo ustava Vsevoloda [To the history of the Church Charter of Vsevolod], in *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: Istoriya i arheologiya* [Novgorod and the Novgorod land: History and archeology]: Materials of the scientific conference: Novgorod, January 28–30, 2003. Veliky Novgorod, 2003. Issue. 17. Pp. 163–173. (in Russian).
- Gippius, Alexey Alekseevich. Knyaz' Yaroslav Vladimirovich i novgorodskoye obshchestvo kontsa XII veka [Prince Yaroslav Vladimirovich and the Novgorod society of the end of the XII century], in *Tserkov' Spasa na Nereditse: Ot Vizantii k Rusi: K 800-letiyu pamyatnika* [Church of the Savior on Nereditsa: From Byzantium to Russia: To the 800th anniversary of the monument]. Ed. by O. E. Etingof. Moscow: Indrik Publ., 2005. Pp. 11–24. (in Russian).
- Gorsky, Anton Anatolyevich. Predstavleniya o «tsare» i «tsarstve» v srednevekovoy Rusi (do serediny XVI veka) [Ideas about the «tsar» and «kingdom» in medieval Russia (until the middle of the XVI century)], in *Tsar' i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii* [Tsar and the kingdom in the Russian public consciousness]. Moscow: Publishing House of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 1999. (The worldview and self-consciousness of Russian society. Issue 2). Pp. 17–37. (in Russian).
- Gorsky, Anton Anatolyevich. Titulovaniye «vseya Rusi» i russkiye knyazya XI–XIII vekov [Titling of «All Russia» and Russian princes of the XI–XIII centuries], in Gorsky, Anton Anatolyevich. «Beshchislenyya rati i velikiya trudy»: *Problemy russkoy istorii XI–XV vekov* [«Beschislenye rati and velikiye trudi»: Problems of Russian history of the XI–XV centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2018. Pp. 93–95. (in Russian).
- Kafenhauz, Bernhardt Borisovich. *Drevniy Pskov: Ocherki po istorii feodal'noy respubliki* [Ancient Pskov: Essays on the history of the feudal Republic]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 136 p. (in Russian).
- Kuchkin, Vladimir Andreyevich. O prinyatii Mihailom Yaroslavichem Tverskim i vladimirskimi knyaz'yami titula «velikiy knyaz' vseya Rusi» [On the adoption by Mikhail Yaroslavich of Tver and the Vladimir princes of the title «Grand Prince of All Russia»], in *Mihail Yaroslavich Tverskoy – velikiy knyaz' vseya Rusi* [Mikhail Yaroslavich of Tver – Grand Prince of All Russia]. Tver: SFK-office Publ., 2008. Pp. 8–21. (in Russian).
- Lukin, Pavel Vladimirovich. «Velikiy Novgorod [«Veliky Novgorod»], in *Slověne*. 2018. Vol. 7. No. 2. Pp. 383–413. (in Russian).

- Lurye, Yakov Solomonovich. O proiskhozhdenii Radzivilovskoy letopisi [On the origin of the Radzivil chronicle], in *Vspomogatel'niye istoricheskiye distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. Leningrad: Nauka Publ., 1987. Issue 18. Pp. 64–82. (in Russian).
- Marafioti, Nicole. *The King's Body. Burial and succession in Late Anglo-Saxon England*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2014. 320 p.
- Mikheev, Savva Mikhailovich. Datirovannaya zapis' o zakladke pskovskogo Troitskogo sobora Vsevolodom Mstislavichem v novgorodskoy rukopisi XII veka [Dated record of the laying of the Pskov Trinity Cathedral by Vsevolod Mstislavich in the Novgorod manuscript of the XII century], in *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Ancient Rus: Issues of Medieval Studies]. 2022. No. 4 (90). Pp. 7–22. (in Russian).
- Okhotnikova, Valentina Ilyinichna. *Pskovskaya agiografiya XIV–XVII vekov: Issledovaniya i teksty* [Pskov Hagiography of the XIV–XVII centuries: Studies and texts]: in 2 vols. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2007. Vol. 1. The Lives of Princes Vsevolod–Gabriel and Timothy–Dovmont. 276 p. (in Russian).
- Okhotnikova, Valentina Ilyinichna. Tsikl proizvedeniy, posvyashchennykh knyazyu Vsevolodu-Gavriilu [A series of works dedicated to Prince Vsevolod–Gabriel], in *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2006. Vol. LVII. Pp. 584–616. (in Russian).
- Pivovarova, Nadezhda Valeryevna. *Freski tserkvi Spasa na Nereditse v Novgorode: Ikonograficheskaya programma rospisi* [Frescoes of the Church of the Savior on Nereditsa in Novgorod: Iconographic program of painting]. St. Petersburg: Ars; Dmitry Bulanin Publ., 2002. 256 p. (in Russian).
- Preobrazhensky, Alexander Sergeevich. *Ktitorskiye portrety srednevekovoy Rusi. XI – nachalo XVI veka* [Imperial portraits of medieval Russia. XI – the beginning of the XVI century]. Moscow: Northern Pilgrim Publ., 2010. 542 p. (in Russian).
- Priselkov, Mikhail Dmitrievich. *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vekov* [The history of the Russian chronicle of the XI–XV centuries]. 2nd ed. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 1996. (Studiorum slavicornum monumenta. T. 11). 325 p. (in Russian).
- Sedova, Rimma Alekseevna. Rukopisnaya traditsiya «Zhitiya Petra» v redaktsii mitropolita Kipriana [The handwritten tradition of the «Life of Peter» edited by Metropolitan Cyprian], in *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Leningrad: Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences Press, 1983. Vol. XXXVII. Pp. 256–268. (in Russian).
- Shchapov, Yaroslav Nikolaevich. *Knyazheskiye ustavy i tserkov' v Drevney Rusi XI–XIV vekov* [Princely charters and the Church in Ancient Russia of the XI–XIV centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1972. 340 p. (in Russian).
- Sokolova, Lydia Viktorovna. K karakteristike «Slova» Daniila Zatochnika (Rekonstruktsiya i interpretatsiya pervonachal'nogo teksta) [To the characterization of the «Words» of Daniil Zatochnik (Reconstruction and interpretation of the original text)], in *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Saint Petersburg: Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences Press, 1993. Vol. XLIII. Pp. 229–255. (in Russian).
- Usachev, Andrey Sergeevich. *Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya* [The Power Book and the Old Russian bookishness of the time of Metropolitan Makarii]. Moscow; St. Petersburg: Alliance-Archeo Publ., 2009. 760 p. (in Russian).
- Vodoff, Vladimir. Remarques sur le valeur du terme «tsar» appliqué aux princes russes avant le milieu di XVe siècle // Vodoff, Vladimir. Princes et principautés russes (X^e – XVIIe siècles). Northampton: Variorum repr., 1989. III. P. 1–41. (in French).
- Vovin, Alexey Alexandrovich. *Gorodskaya kommuna srednevekovogo Pskova: XIV – nachalo XVI veka* [City commune of medieval Pskov: XIV – early XVI century]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2019. (Res Publica series. Issue 11). 398 p. (in Russian).
- Yanin, Valentin Lavrentyevich. *Novgorodskkiye posadniki* [Novgorod posadniki]. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ., 2003. 511 p. (in Russian).
- Yuryeva, Irina Sergeevna. *Obshchiy tekst Kievskoy i Suzdal'skoy letopisey* [The general text of the Kiev and Suzdal chronicles]. Moscow: Institute of the Russian Language Press., 2022. 207 p. (in Russian).
- Zimin, Alexander Alexandrovich. Ustavnaya gramota knyazyza Vsevoloda Mstislavicha [Charter of Prince Vsevolod Mstislavich], in *Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnyu 70-letiya* [To Academician Boris Dmitrievich Grekov on the day of the 70th anniversary]: A collection of articles. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1952. Pp. 123–131. (in Russian).